

Доктор Элейн Филлипс, Эстер, лекция 4

© 2024 Элейн Филлипс и Тед Хильдебрандт

В данный момент мы находимся в спальне царя Ксеркса, и Аман только что вошел в комнату, где готовит окончательную кончину Мардохея. Итак, мы продолжим со стиха 6, главы 6. Царственная прерогатива означала, что забота царя стояла на первом месте. То, что царь не раскрыл здесь личность Мардохея, было провидением.

Если бы он отдал должное влиятельному положению Амана, Мардохею пришлось бы плохо. Выражение, которое царь с радостью почтил, прочно засело в сознании Амана. Сначала он смаковал ее в своем сердце, а затем неоднократно возвращался к ней, чтобы точно определить, что именно следует сделать для него, как он предполагал.

Характер Амана наиболее прозрачен во всем повествовании. Здесь зрители видят окно в его сокровенные мысли, и мы видим их чрезмерную гордость. Хотя перевод стиха 7 в NIV сглаживает его, присоединяя к следующему стиху, по сути его следует читать отдельно.

Аман повторил эту фразу, человек, которого царь желает почтить. Ему это понравилось, и затем в восьмом стихе началось описание почестей, которых он так горячо желал. Продолжая переплетаться с человеком, которого король желает почтить.

Для него это была тренировка. Он объявит об этом неоднократно и публично, но со ссылкой на Мардохея. В стихах 8 и 9 есть три важных аспекта ответа Амана царю.

Он повторял каждый элемент все более подробно, давая понять, что хочет, чтобы король понял всю суть его совета. Должно было быть публично заявлено, что символы королевской власти и положения принадлежат кому-то, имеющему большое значение для короля. И королевская лошадь, и царское одеяние должны были быть теми, которые носил сам король.

Наделение их значительной степенью суверенной власти. Было высказано предположение, что этот парад, как предложил Аман, был не парадом по улицам, а скорее стационарной демонстрацией на городской площади. Глаголы, которые переводятся как «проехал» и «прошел», можно в равной степени понимать как «воссесть», подразумевая символическое положение, в которое Аман должен был бы возвысить Мардохея в качестве публичного акта чести.

Поскольку это была лошадь, на которой сел царь, лауреат (а Аман хотел, чтобы это был он сам) разделил славу и честь царя. Гребень, буквально по тексту корона на голове коня, не был необычным украшением в ближневосточном искусстве. Подобные головные уборы регулярно появляются на ассирийских рельефах из дворцов Ниневии, выставленных в Британском музее.

Они на головах лошадей. И эта закономерность продолжалась и в персидский период, как показывают рельефы из Персеполя. Глава 6, стих 10.

Царь приказал Аману: пойдй сейчас же, возьми одежду и коня и сделай так, как ты предложил Мардохею-иудею, который сидит у царских ворот. Не пренебрегайте ничем из того, что вы рекомендовали. Услышав Мордехая, еврей, должно быть, заморозил каждую клеточку существа Амана.

Он презирал это имя больше всех остальных, а Мордехай был человеком, конец которого, по его мнению, был мучительно близок. В публичной сфере сюжет развернулся именно в этот момент. Однако в этом стихе о многом не говорится, оставляя многое на усмотрение слушателей.

Возникают вопросы. Откуда царь узнал, что Мардохей был евреем? И как он мог забыть, что евреи были обречены на уничтожение? Личность Мардохея, возможно, была записана в Хрониках, что могло быть одним из источников, но, что более вероятно, слуги, которые ясно знали обстоятельства, также проинформировали царя об этой детали. Аман тщательно избегал называть цели своего указа, и царь передал все это грязное дело Аману.

Таким образом, хотя в указе были названы евреи, Ксеркс, возможно, никогда не удосужился прочитать текст. События, произошедшие к этому моменту, убедительно продемонстрировали его способность упускать из виду практически все важное. Прощальный выстрел царя Аману — ничем не пренебрегать — буквально означает: «не позволяй ничему упасть», что является пророческим в свете того, что ожидало самого Амана.

После расширенного описания Амана сама церемония выглядит очень экономно, как бы предполагая, что Аман сделал это как можно быстрее и формально. Рассказчик блестяще оставляет воображению зрителей, каким было событие на городской площади и для Амана, и для Мардохея. Хотя царь, возможно, и не знал об антипатии между Аманом и Мардохеем, все представители общественной сферы, наблюдавшие за этим зрелищем, должны были знать о предыдущих инцидентах.

Это было величайшим унижением, поскольку провозглашение повторялось снова и снова. Это был человек, которого король хотел почтить. В то же время,

однако, это должно было показаться Мордехаю жестокой иронией, потому что, казалось бы, неизбежный и смертоносный указ все еще оставался в силе.

Хотя об ответе Мардохея ничего не сказано, Аман бежал домой в трауре с покрытой головой (стих 12), что является прообразом последнего закрытия его лица в седьмой главе, стих восемь. Этот признак траура полностью контрастировал с тем, что он ожидал. В описании Аманом своего унижения в стихе 13 используется тот же язык, который появляется в отношении самого тяжелого момента Мардохея еще в четвертой главе Есфири, седьмом стихе.

Выслушав его рассказ, Зереш и советники, мудрецы здесь, чья дистанция от него указывается тем, что их больше не называют его друзьями, как в шестой главе, все они осознали, что его судьба предрешена. Он начал падать, и остановить это было невозможно. Глагольный корень слова «нафал», означающий «падать», встречается три раза, последний из которых представляет собой подчеркнутый инфинитив-абсолют с конечной формой.

Поскольку Мардохей был евреем, Аман не смог бы победить. Следующий стих умело возвращает читающую аудиторию на банкет после этой самой важной темы. Можно просто представить себе стих 14, предыдущую сцену с мучительным рассказом Амана о событиях, возможно, продлеваемых по мере повторения каждого из них, и отрезвляющие ответы всех его утешителей.

Всякая надежда, которую он мог от них ожидать, была разбита, и это понятно, если бы он не подготовился своевременно к следующему banquetу. Сопровождение евнухов, возможно, было обязательным для человека такого ранга, как Аман, но когда они прибыли, они обнаружили, что он все еще занят мучительным разговором, и были вынуждены поспешить с ним к царице. Глава 7, стихи 1 и 2. И пошли царь и Аман обедать к царице Есфири, и когда они пили вино на второй день, царь снова спросил: царица Есфирь, в чем твоя просьба? Оно будет дано вам.

Каков ваш запрос? Даже до половины королевства оно будет предоставлено. Если действительно праздник вина, буквально банкет вина, проводился ближе к концу трапезы, то для нарастания напряжения потребовалось немало времени. Это был третий раз, когда царь просил узнать просьбу Эстер.

Он обратился к ней прямо как к царице Эстер и во второй раз пообещал полностью удовлетворить ее прошение. Следуя указаниям царя и, возможно, опять-таки в соответствии с придворным этикетом, Эстер сформировала все свои ответы, которые повествуется как дублет. Эстер, царица, ответила и сказала, что сформировала их парами.

Первая пара наборов включает в себя два условных оператора. Если я нашел благосклонность, о царь, в твоих глазах и если это угодно царю. Даже это были изысканные приготовления к тому, что последовало дальше.

Эстер снова воспользовалась найденной более почтительной благосклонностью и напрямую апеллировала к отношениям царя с ней, и к этому фактору она вернулась в следующей фразе. Зная, что ее собственная жизнь была более значимой для короля, она сначала попросила, чтобы ей была дарована жизнь в качестве ее прошения, а затем чтобы ее народу были дарованы жизни в соответствии с ее просьбой. В конце концов, честь царя была бы серьезно подорвана, если бы царица была убита в связи с указом Амана против евреев.

Следующая часть ее обращения, четвертый стих, стала шедевром дипломатии. Ей пришлось подготовить почву для обвинения Амана, не обвиняя царя, который, несомненно, был столь же виновен в этом деле. Аман был выбран царем вторым в королевстве, и царь предоставил ему свободу правления, чтобы он мог обрушить свою ярость на евреев.

Заявив, цитируем, что мы проданы, я и мой народ, закрыть цитату, Эстер отождествила себя с евреями, хотя еще не назвала их имена. Ее прямая цитата с языка диплома устранила любую двусмысленность. В этот момент Аман с нарастающим ужасом осознал бы, что это значило для него.

В свете возможности того, что Аман воспользовался удобным сходством между глаголами, означающими уничтожать и порабощать, вспомните наше обсуждение из третьей главы. Использование Эстер термина «проданный» имеет несколько смысловых уровней. Они были переданы, буквально проданы для уничтожения – этот термин неоднократно использовался в ответ Бога на непослушание Израиля. Их буквально продали, поскольку Аман предложил царю деньги за их уничтожение, и Ксеркс, похоже, согласился.

И царь, возможно, был продан за товар из-за обманного каламбура, который придумал Аман, убаюкивая его мыслью, что речь идет о работоторговле. Даже продажа в рабство, утверждала Эстер, была бы достаточно терпима, чтобы она промолчала. Последнее предложение этого стиха сложно, потому что три ключевых слова имеют множественные и неоднозначные значения, возможно, по той самой причине, что это должно было быть воплощением дипломатического языка со стороны Есфири.

Буквальное прочтение этого пункта было бы, цитирую, нет ни бедствия, ни противника, слово царь, что равнозначно ущербу царю, близкая цитата. Если бы царь упомянул человека, это было бы пренебрежительным замечанием в адрес Амана. Он был настолько никчемным, что нарушение царского равновесия ради осуществления своего наказания было бы слишком высокой ценой,

подразумевающей предельное уважение к царю и предельное презрение к Аману.

Пятый стих на иврите буквально читается так: затем сказал царь Артаксеркс и спросил царицу Эстер: кто он? Где тот, кто наполнил свое сердце таким поступком? Неловкое повторение сказанного в первой части этого стиха не является текстовой ошибкой, как полагают многие. Вместо этого он очень хорошо указывает на недовольство короля. Он был настолько потрясен, что ему пришлось отдышаться и начать все сначала.

И описание его разговора, и прямой вопрос указывали на его смятение. Примечательно, что царь не узнал формулировку указа и не установил связь между упоминанием Эстер и Аманом. Поскольку он не знал о реальной деятельности Амана и личности его царицы, он задал вопрос, который позволил Эстер указать прямо на Амана.

Она начала шестой стих с общих слов: человек, противник, враг, а затем перешла к этому злему Аману. Это было краткое обвинение. Она назвала его врагом, а не врагом евреев, намекнув тем самым, что это гораздо более серьезная проблема.

По сути, Аман был предателем царя, а также врагом евреев. Для Амана была ужасающая новость о том, что царица была еврейкой и поэтому, по сути, приговорена его указом к смерти. Столкнувшись лицом к лицу с царем и царицей, которые в этот момент изображены вместе, Амана охватил внезапный ужас.

Следующие события сжимаются. Его судьба была быстро решена. Очевидно, это откровение привело короля в ярость.

Аман обманул его во многих отношениях, и собственная уловка Эстер, возможно, в некоторой степени раздражала его. Как унижительно, что его собственная королева отождествила себя с народом, официально обреченным на уничтожение. Его разъяренный уход соответствовал его характеру.

Иврит — это то, что можно назвать драматическим многоточием. Цитата: он в ярости поднялся с винной лавки в дворцовый сад, что предполагает одновременно спешку и замешательство. Аман обратился к Эстер, чтобы попросить сохранить ему жизнь.

Решение царя было принято, но, возможно, Аман надеялся, что царь снова не будет действовать по своему усмотрению. Если так, то Эстер была его единственной очень слабой надеждой. Последняя ирония жизни Амана

заклучалась в том, что он упал на диван, на котором возлежала Эстер, иудейская царица.

И в той умоляющей позе, когда король вернулся и нашел его там. Неясно, намеренно ли царь неверно истолковал это действие или действительно думал, что Аман напал на Эстер. Насиловать царицу было бы равносильно тирании, и эта практика очевидна и в другие моменты истории Израиля, когда потенциальные узурпаторы престола спали с наложницами.

То, что увидел король, позволило ему выдвинуть обвинение, которое разрешило бы его дилемму относительно бесчестных последствий его действий для указа. Во всем можно было винить Амана. Кроме того, внимательное прочтение этого текста может поднять вопрос о соучастии Есфири в шатком положении Амана.

Возможно, в отсутствие царя она двулично пригласила к себе Амана, но для того, чтобы решить его судьбу. В любом случае, в аккуратной демонстрации меры за меру справедливости, Аман умрет из-за ложного обвинения, точно так же, как он ложно обвинил евреев. Чрезвычайная краткость повествования на этом этапе предполагает размытость деятельности и спешки, с которой прошли эти травмирующие последние мгновения жизни Амана.

Как и во многих предыдущих случаях, неопределенное подлежащее во множественном числе указывает на пассив. Лицо Амана было закрыто. В стихе 9 мы читаем о Харбоне, одном из евнухов, сопровождавших царя, который сказал, что возле дома Амана стоит виселица высотой 75 футов.

Он приказал сделать это для Мардохея, который высказался, чтобы помочь царю. Царь сказал: повесьте его на нем. Итак, Амана повесили на виселице, которую он приготовил для Мардохея.

Затем ярость короля утихла. Учитывая его чрезмерные размеры, столб, который поспешно воздвиг Аман, нельзя было не заметить. Несомненно, любопытные расспросы побудили Амана раскрыть свое намерение избавиться от Мардохея.

Харбона был проникновен и, услышав, что за это время произошло с Аманом и Мардохеем, высказался против человека, чья звезда падала. И его слова разрешили, возможно, щекотливую ситуацию для короля. Его слова послужили второй причиной для вынесения смертного приговора Аману, напомнив группе евнухов и других придворных чиновников, что Мардохей только что прославился как благодетель царя.

Нападение на кого-то такого уровня было смертельным делом. Ксеркс приказал повесить Амана. Падение Амана завершилось, когда его тело, по иронии судьбы, было поднято на шест для окончательного унижения.

Отмечается и справедливость меры за меру. Его повесили на шесте, который он приготовил для Мардохея. Тем не менее, несмотря на то, что этот царь внешне заботился о том, чтобы действовать согласно закону, одно из обвинений против Амана, вопреки видимости, было неправдой.

Нельзя также упускать из виду значение утихания гнева короля. Это означало, что его внимание было сосредоточено исключительно на событиях и людях, которые его затрагивали. Судьба Амана, заговор которого угрожал чести царя, была предрешена.

Судьба народа Эстер, все еще не решенная, в этот момент его не волновала. В главе 8 личности Есфири с самого начала как правящей царицы, получательницы того, что раньше было имуществом Амана, и двоюродной сестры уважаемого благодетеля царя, все сошлись в этом месте. В то время как предыдущее признание царем Мардохея было временным проявлением, в этот момент он предстал перед Ксерксом, место, предназначенное для очень немногих.

Ему была предоставлена как политическая власть Амана, о чем свидетельствует перстень с печаткой, вероятно, полученный царем в момент просветления, так и экономические ресурсы Амана, поскольку он был назначен хранителем имущества Амана. Но евреи все равно находились в опасности. Итак, в 3-м стихе Есфирь снова умоляла царя, падая к его ногам и плача.

Она умоляла его положить конец злomu замыслу Амана Агагитянина, который он задумал против иудеев. Возможно, следующая сцена была продолжением событий того же дня. В этом случае идиома иврита, которую она добавила и произнесла, будет означать продолжение уже состоявшихся политических обменов на высоком уровне.

Однако более вероятно, что прошло некоторое время. Быстрая последовательность событий, необходимая для этой реконструкции, не похоже на то, что суд руководствовался чрезмерным протоколом. Кроме того, ссылка в стихе 9 на написание контрдекрета в третьем месяце также предполагает значительную задержку, в течение которой Есфирь и Мардохей, возможно, все больше беспокоились, потому что они не видели ничего, что происходило в отношении судьбы евреев.

Таким образом, Эстер снова столкнулась с перспективой явиться к царю без предупреждения, не зная, протянет ли он ей золотой скипетр. На этот раз ее

страстное обращение было отмечено тем, что она упала к его ногам, плакала и умоляла его о милосердии, особенно в отношении дьявольского замысла Амана. Эта поза заметно отличается от ее первой мольбы.

В этом случае она стояла на расстоянии и только когда царь протянул скипетр, приблизилась и прикоснулась к нему. В стихе 5 она сказала: «Если царю это угодно, и если он относится ко мне благосклонно и считает, что это правильно, и если он доволен мной, пусть будет написан приказ, отменяющий депеши, которые Аман, сын Хаммедаты, Агагиянин, задумал и написал уничтожить евреев во всех провинциях. Ибо как я смогу видеть, как бедствие обрушивается на мой народ? Как я могу пережить разрушение моей семьи? Искусная просьба Эстер, начатая с формулы из четырех частей вместо двух, апеллировала как к тому, что было явно хорошо, так и правильно, кашер, как кошер, так и к уважению царя к ней.

Каждый из этих аспектов появлялся дважды, и ее обращение к добру имело приоритет в каждом сете. Ее ссылка на то, что было правильным, подразумевала, что предыдущий указ решительно не был таковым. Требуя отмены злого указа Амана, она следовала хорошей судебной форме.

Пусть будет написано, чтобы заставить вернуть депеши, в буквальном смысле. За этим следует полное дальнейшее наименование Амана. Эти тщательно подобранные слова избавили царя от ответственности, хотя депеши были выпущены от его имени, и снова возложили вину за указ непосредственно на Амана, ныне покойного.

Важно отметить, что ее первоначальным и основным требованием была отмена указа. Когда в этом было отказано, пришлось применить другие средства, более жестокие. Когда мы переходим к седьмому стиху, очевидно, что заголовки важны.

Эстер называют царицей. Мардохея называют евреем. Порядок слов в ответе царя на иврите может намекать на легкую степень раздражения по поводу этой дальнейшей просьбы.

Он начал свои собственные действия по правосудию, сказав: «Послушайте, я отдал имение Амана Есфири». Его повесили. Возможно, в этом подразумевалось: чего еще вы хотите? Или, возможно, другая интерпретация его слов, цитата: Аман совершенно не со сцены.

Вы свободны делать то, что хотите. В восьмом стихе мы видим, что он обращается к ним обоим. Вы, во множественном числе, правы, относительно евреев, что вам покажется хорошим.

Это говорит о том, что Ксеркс больше не хотел иметь ничего общего с этим делом. Это соответствовало бы всеобъемлющему безразличию ко всему, что не затрагивало напрямую его личный мир. Однако последняя часть стиха интересна.

Запечатайте его перстнем с печаткой короля. Ни один документ, написанный от имени короля и скрепленный его кольцом, не может быть отозван. Еще раз обратимся к безвозвратности.

В данном случае это может быть просто реалистичная оценка. В конце концов, бегуны разъехались по всему королевству, давая разрешение действовать в соответствии с укоренившимися предрассудками. Как можно было представить последствия такого указа? Единственным выходом мог быть тот, который он выбрал.

Повествование об издании этого указа, которым будут следующие стихи с девятого по 14, имеет явные словесные параллели с первым указом и его окружением в третьей главе, стихи с 12 по 15. Другими словами, это была явная контрмера. При этом изменения также заслуживают внимания.

Это соответствовало всему, что повелел Мардохей, теперь занимавший положение Амана. Самыми первыми получателями в списке были евреи, отсутствовавшие в предыдущей роли адресатов. Хотя еврейское население, конечно, быстро узнало о первом указе, намерением его злонамеренного создателя было исключить их и, следовательно, заставить врасплох.

В этом указе остальная часть адресного списка была сжата, а самонадеянные заголовки удалены. Еще одним тонким отличием от предыдущего указа является то, что формы глаголов являются активными. Мордехай взял на себя ответственность.

Он написал это от имени короля. Он запечатал его кольцом. Он отправил его через правительственных курьеров.

Однако, в отличие от предыдущего указа, эти курьеры имели в своем распоряжении превосходные лошадиные силы. Они ездили на лучших лошадях, которых могло предоставить правительство. В указе Мардохея, стих 11, говорится, что царь разрешил евреям в каждом городе организовываться, чтобы действовать и буквально отстаивать свою жизнь.

Остальная часть стиха, стих 11, вызвала обширные комментарии, особенно упоминание о маленьких детях и женщинах, таф нашим, которые синтаксически можно читать либо как потенциальные объекты еврейских действий, либо как еврейские женщины и дети, атакованные вражескими силами. Чтобы

определить, какая интерпретация лучше, важно отметить критические контрасты с предыдущим указом, а также термины, которые были точно перенесены. В предыдущем указе объектами уничтожения, убийства и уничтожения были, цитирую, все евреи от мала до велика, маленькие дети и женщины.

В указе Мардохея те же самые три инфинитива из первого указа имеют в качестве своих непосредственных объектов, цитату, каждую вооруженную силу, хель, нападающих на них людей и провинций, за которыми следуют маленькие дети и женщины. В каждом случае маленькие дети и женщины не связаны союзом с предшествующим. Это делает его двусмысленным.

В первом указе они четко обозначали наиболее уязвимые объекты нападения противника. Здесь эти слова следуют сразу за теми, кто нападает на них, предполагая, что евреям было дано разрешение убивать тех, кто в каждом месте все еще намеревался выполнить первоначальный указ, цитируя, нападая на них, их женщин и их детей. Поскольку прямым фокусом еврейской самообороны были вооруженные противники, нелогично думать, что правительственный мандат будет выдан против тех, кто с наименьшей вероятностью попадет в эту категорию.

В самом конце идет еще одна прямая цитата из предыдущего указа с разрешением грабить. Учитывая тот факт, что в следующем повествовании подчеркивается, что евреи не занимались грабежом, хотя им было разрешено это делать, кажется, что, если бы существовало законное разрешение убивать женщин и детей, некоторые комментарии были бы сделаны в этом отношении, как хорошо. Нет такого резюме.

Вместо этого в девятой главе текста говорится, сколько людей было убито в Сузах — 802 дня, и сколько врагов по всей империи — 75 000. Короче говоря, Мордехай привел конкретные фразы из предыдущего указа, чтобы подчеркнуть, что это была именно, опять же, контрмера. Из-за неотменяемости этих законов условия второго эдикта должны были отражать условия первого эдикта, направленного на защиту евреев.

И описание обстоятельств, и сам текст подтверждают утверждение о том, что евреям не давалось массовое разрешение на резню. Вместо этого они должны были реагировать на провокации, возникшие в результате действий тех, кто действовал согласно первому указу. Но здесь я должен сказать, что большинство переводчиков идут в другом направлении с точки зрения того, как читать «маленьких женщин и детей», «маленьких детей и женщин».

Далее в стихе 12 повторяется, что это произойдет во всех царских провинциях. А затем указ завершился уже установленной датой — 13-м днем Адара. В стихе 13 воспроизводится текст первого указа с двумя дополнениями.

Во-первых, евреи должны были быть готовы к этому дню. А во-вторых, они должны были быть готовы, цитирую, отомстить своим врагам, цитирую. Хотя проблемы интерпретации стиха 11, с которыми мы только что разобрались, проистекают из синтаксической двусмысленности, эта проблема явно тревожит.

Нет ничего более чуждого христианскому мировоззрению, чем месть. Тем не менее, необходимо сделать несколько важных наблюдений. Еврейский корень наказ и родственные ему глагольные и существительные формы относятся не только к личной мести, которая, конечно, предосудительна, но и к мести Бога, которая необходима в мире зла.

Мечь – это действие, которое сначала предполагает несправедливость, а затем исправляет ее. Оно носит явно и уместный карательный характер и, следовательно, в конечном итоге является источником поддержки для тех, кто страдает несправедливо. Хотя сам Бог чаще всего мстит, бывают случаи, когда он использует агентов.

Преступление Амана против евреев было отвратительным, тем более, что его последствия не прекратились с его смертью. Указ был призван развязать погромы по всей империи. Отомстить здесь означало, что евреи будут оправданы и будут жить, а не умереть.

Стих 15, глава 8. Мардохей покинул царя в царских одеждах синего и белого цвета, в большом золотом венце и пурпурной одежде из виссонного полотна, и в городе Сузах устроило радостное празднование. Для евреев это было время счастья и радости, веселья и почестей. В каждой провинции и в каждом городе, куда бы ни распространялся царский указ, среди иудеев была радость и веселье с пирами и торжествами, и многие другие люди других национальностей стали евреями, потому что их охватил страх перед евреями.

Вретище и пепел Мардохея из 4-й главы и временная одежда из 6-й главы были заменены постоянными царскими вещами. То, чего жаждал Аман, было дано Мардохею, и фактически дано в изобилии. Одно одеяние составляло целый ансамбль, и вместо ничтожной короны и конской головы Мардохей носил свою большую золотую корону.

Несмотря на это, сохраняется различие между этой золотой диадемой, терет захав, и короной, которую носили персидские царственные особы, кетур махут. Фактически, в этот момент рассказчик, возможно, тонко подчеркнул еврейское происхождение Мардохея, поскольку слово «атара» чаще всего используется в

еврейской Библии для обозначения царской диадемы. В отличие от траура, поста, плача и плача, которые мы видели в 4-й главе, теперь у иудеев были свет, веселие, веселье и честь, а спонтанная радость превратилась в настоящий праздник с сопровождающей его миште, пиром, банкетом, для еврейских общин повсюду.

Народ земли во множественном числе, амеха арец, относится к неевреям, а здесь он указывает на тех, кто решил идентифицировать себя с евреями. Однако, что означала эта идентификация, остается вопросом. Слово *mit yahadim* встречается только у Эстер, и здесь оно было прямым ответом на обрушившийся на них страх перед евреями.

Тот же страх отмечен в Есфири, глава 9, стих 2, наряду с страхом перед Мардохеем в стихе 3. Как существительная, так и глагольная форма *пахад* указывают на сильный и внезапный страх, доходящий до дрожи, и они проявляются преимущественно, хотя и не исключительно, в пророческих и поэтических текстах со ссылкой на страх перед Господом или безымянный, сверхъестественный ужас. Таким образом, это может указывать на то, что эта идентификация была вызвана чем-то большим, чем просто политическая безопасность, хотя она могла быть ее частью. С другой стороны, сомнительно, что здесь подразумевалось истинное обращение.

Возможно, лучшая интерпретация заключалась в том, что они называли себя евреями по самым разным мотивам, одним из которых мог быть страх перед Богом евреев. В описании еврейской самозащиты и помощи от врагов (глава 9, стихи с 1 по 17) важно учитывать временные рамки текста. Первые 10 стихов главы 9 описывают события первого дня.

Еврейский текст в стихе 1 подчеркивает дату и развивающееся напряжение одним сложным предложением. Поскольку в этот день были установлены два противоречивых указа, последующее кровопролитие было неизбежным, и в еврейском тексте есть ключевые стилистические индикаторы надвигающегося кризиса. Хотя от имени короля было издано два указа, выражение здесь единственное.

Каждая сторона могла апеллировать к слову короля. Надежды врагов евреев на доминирование над ними оправдались, когда евреи доминировали над теми, кто их ненавидел. Центральным элементом между этими двумя утверждениями является еврейское слово «перевернуто», подчеркивающее полное изменение и подытоживающее описываемую победу.

В то же время горькая правда заключалась в том, что смертоносный указ, изданный Аманом, не был отменен так же, как была вновь посещена виселица, предназначенная для Мардохея, или честь, которую Аман планировал себе,

была оказана Мардохею. Бог не вмешался напрямую и не искоренил существующий указ. Вместо этого его пришлось свергнуть с помощью вооруженных сражений, которые стоили дорого.

Показательно, что было значительное число тех, кто надеялся одолеть евреев. Евреям было дано (стих 2) право организовываться, собираться вместе, чтобы отстаивать свою жизнь. Когда события развернулись 13 Адара, они напали на тех, кто стремился причинить им вред.

Фактически никто не мог им противостоять. Это предполагает возможность наступательных действий со стороны евреев. Язык точно отображает сложность и запутанность подобных ситуаций.

Точно так же, как простые люди боялись иудеев (стихи 3 и 4), лидеры всех рангов также стали бояться Мардохея. В результате его указа нападения на евреев больше не спонсировались официально. Фактически, указ Мордохея предписывал властям разрешить евреям защищаться.

Глава 9, стих 5, занимает центральное место в этической дискуссии, которая продолжает бушевать по поводу событий в конце книги Есфирь. Проще говоря, говорит ли этот стих, что произошла резня язычников, которая ничем не отличалась от любого другого нападения на этнической основе? Есть те, кто утверждает, что это действительно был жестокий упреждающий удар. Они утверждают, что после второго указа никто не собирался нападать на евреев.

Вместо этого евреи поразили всех своих врагов. Произошли массовые убийства и уничтожение жизни, и они делали то, что хотели. Плохая часть этого стиха обращена к их врагам.

Последнее звучит неопределенно, но очень противно. Тем не менее, это нападение, каким бы оно ни было, было ответом тем, кто напал на них, кто вознамерился причинить им вред и кто рассматривал это как повод для их полного уничтожения. Наступательные действия евреев были необходимы, опять же, в свете безотзывного декрета, официально санкционировавшего их кончину.

Развитие этих событий указывает на то, что все это время назревали сильные антисемитские настроения. Жертвами евреев отмечались враги, ненавидящие их и мужчины. После того, как кровопролитие утихло, в повествовании неоднократно подчеркивается, что евреи получили отдых от своих врагов.

Упоминается трижды. Облегчение было ощутимым. Если 500 человек в стихе 6, убитых в Сузах, представляли собой тех, кто напал на евреев, то в самой столице к евреям царя большая враждебность.

Есть те, кто считает эту цифру и последующие цифры еще одним свидетельством преувеличения. Однако весьма вероятно, что давно тлевшая ненависть, взлелеянная руководством, жила своей жизнью совершенно независимо от рациональности. Он вспыхнул на персидской улице, можно сказать, после смерти Амана.

В главах 9, стихи с 7 по 10, в еврейском тексте имена сыновей Амана, когда они подвешены, помещены в две колонки, возможно, это иллюзия древних переписчиков об их окончательном подвешивании на шестах. Сыновья, возможно, напали на евреев, чтобы отомстить за смерть своего отца, и в результате погибли. Они также могли быть лидерами антиеврейского и антимордехайского восстания.

Имя и честь Амана будут переданы его потомкам. Таким образом, это действие, как изложено здесь, отрезало потомство Амана, и в этом месте суть подчеркивается повторением названия, которое определило его присутствие в книге. Аман, сын Хаммедаты, противник евреев.

Публичное повешение их тел было необходимой формой унижения. И еще, наконец, в трех отдельных заявлениях подчеркивается, что евреи не приложили руку к грабежу врага, проявив исключительную выдержку. Стихи с 11 по 14 главы 9 представляют собой беседу между царем и Есфирью.

Отчитываясь перед царицей Эстер, царь повторил список потерь в Сузах теми же словами, которыми он был первоначально изложен в главе 9, стих 6, за которым последовала конкретная ссылка на сыновей Амана. Следующий пункт об остальных провинциях, скорее, может быть не прямым вопросом, а чем-то вроде: «Интересно, что они сделали в остальных провинциях». Они здесь неоднозначны.

Это могло относиться либо к враждебным силам, либо к евреям, либо к тому и другому. Неопределенность, заложенная в этом вопросе, а также неожиданно большое количество жителей Суз, возможно, способствовали повторению царем своего обещания предоставить Эстер дальнейшие действия. Возможно, до него начало доходить, что это чрезвычайно серьезная проблема как для него, так и для евреев.

Намек на смелость Есфири в стихах с 13 по 14 может заключаться в том факте, что она больше не предваряла свою просьбу двойным условием, включая обращение к привязанности к ней царя. На этот раз она просто сказала, если королю это угодно. С этого момента в развитии повествования переплетаются две проблемы.

Во-первых, было очевидно, что угроза враждебности все еще сохраняется. Целесообразно было принять меры сдерживания. Во-вторых, с точки зрения законодательства двухдневный фестиваль должен был иметь прочную основу.

Последнее берет свое начало здесь и значительно расширилось в оставшейся части главы. Что касается первого, то и первоначальный указ Амана, и встречный указ Мардохея ограничили боевые действия одним днем. День настал и прошел, и евреи одержали победу, насколько им было известно, только в бою, настолько ожесточенном, что там было убито 500 человек.

Просьба Эстер могла быть сформулирована в условиях сохраняющейся неопределенности. Точно так же, как в отчете говорилось о цитадели и 10 сыновьях Амана, так же была и ее просьба, хотя первая распространялась на всю Сузы. Обе части плана были разработаны для предотвращения дальнейших атак.

В Сузах евреи могли действовать на следующий день в соответствии с сегодняшним законом, который подразумевал самооборону в случае нападения, а тела сыновей Амана должны были быть подняты высоко на столбы. Чего они на тот момент не знали, так это масштабов еврейского сопротивления по всей империи. Эти цифры, без сомнения, появлялись медленно.

По мере того, как события разворачивались в Сузах на 14-й день, стихи 16 и 17, повествование возобновляет изложение конфронтации по всей империи, которая действительно произошла накануне, даже несмотря на то, что эти результаты, возможно, не были известны в то время. Остальные евреи организовались и снова отстояли свою жизнь. Тема отдыха вновь звучит в следующих трех стихах.

То, что текст настолько настойчив в этом отношении, является комментарием к жестокости антиеврейских настроений, которые вынудили 75 000 человек по всей империи действовать с достаточной агрессией по отношению к евреям, что они были убиты. Точно так же, как подчеркивается облегчение, также подчеркивается и тот факт, что евреи не грабили, хотя им было разрешено это делать по форме «мера за меру». В ответ на огромное облегчение этот день был отмечен пиршеством и радостью.

Эти две особенности будут характеризовать последующий официально сложившийся институт фестиваля. Уже после возвышения Мардохея и издания указа произошло ликование и была восстановлена честь для иудеев. Однако по-прежнему существовало облако неопределенности, поскольку указ все еще приближался.

13 и 14 Адара были необходимы для завершения остального. Остальная часть главы подробно описывает праздник. В стихе 18 повторяются различия между Сузами и огромной империей.

В стихе 20 фокус текста перемещается от повествования об избавлении к радости и покою и, наконец, к средствам увековечения памяти об этом величайшем событии. Похоже, что евреи сразу же выделили определенные дни и начали совершать обряды, связанные с праздником. Однако именно с намерением сохранить память Мардохей написал как стих 20, так и стих 23, эти вопросы Пурима, и они были установлены, подтверждены и навязаны.

Повторяющийся элемент в этих стихах и общая путаница языка в остальной части главы, призванная установить эту новую традицию, объединяются в удивительно удачной форме, чтобы передать монументальные усилия по подтверждению соблюдения Пурима, праздника, который больше не упоминается в откровении. от Синая. Утверждение, состоящее из двух частей в стихе 22, затрагивает еврейские воспоминания о корнях праздника. Перекликаясь с ключевыми словами, оно напоминало о днях, когда они отдыхали от врагов, о месяце великого переворота, глава 9, стих 1. Последующие поколения должны были праздновать эти дни с той же энергией и таким же образом, как те оригинальные общины, пережившие освобождение.

В стихе 24 мы видим еще один документ, публичный документ, в котором Мардохей продемонстрировал, что он был чрезвычайно искусным дипломатом. Этот текст очень сжат. Он полностью вовлекает Амана, но при этом тщательно изменяет роль царя в событиях, чтобы представить его, а не Мардохея и Есфирь, героем повествования.

Это был деликатно выполненный маневр, призванный восстановить значительно запятнанную честь короля. И снова это сжатие. Мардохей тонко составил свой собственный письменный указ, изданный от имени царя, чтобы противостоять указу Амана и приказу царя выставить напоказ тела Амана и его 10 сыновей.

В стихах с 26 по 27 содержится еще одно итоговое заявление, якобы призванное привлечь внимание к множеству деталей, лежащих в основе закона о новом фестивале. Мардохей руководил распространением второй буквы, упомянутой в стихе 29, как и предыдущей, упомянутой в стихе 20. И затем, наконец, это распределение, отмеченное в стихе 30, снова относится к 127 областям, что уравнивает их упоминание с глава 1. И шалом, и мир, и истина были фундаментально значимыми понятиями в библейском мировоззрении.

Возможно, сильный и авторитетный тон этих текстов для еврейских общин отчасти является результатом того, что они пропитаны уже существующим

библейским языком. Мардохей использовал слова мира и истины (стих 30) и успокоил широко распространенные еврейские общины. Эти слова перекликаются с 8-й главой Захарии, 19-м стихом.

Люди пережили потрясения и травмы, вызванные коварной ложью. Напротив, слово шалом, связанное с глагольным корнем шалем, подразумевает исправление нравов посредством вознаграждения. Таким образом, победа евреев в некоторой степени способствовала созданию социального порядка.

И, наконец, в главе 10, стихи с 1 по 3, мы имеем подходящее завершение текста. Ксеркс и его сила повторяются. Они восстанавливаются после того, как пережили ударные волны, но Мордохай также упоминается как человек, который разделяет власть и дает Ксерксу хорошие советы.

Он помогает королю в создании системы экономической стабильности. Его выдающееся положение готовит почву для исторических ролей Ездры и Неемии, которые последуют за ним. Он продолжал выступать в качестве защитника и представителя еврейской общины в правительстве, и текст завершается тем, что Мордохай произносит шалом за всех своих потомков, что является острым напоминанием о необходимости для евреев на протяжении последующих столетий иметь кого-то, кто мог бы заступиться за их благополучие. .